

Столичный город, центральная магистраль, по обеим сторонам которой всё ещё сияют огнями высотные здания, на дорогах бурлящий поток машин — так начинается увертюра Города, который не спит.

Красный кабриолет среди них привлекает особенно много внимания: три восьмёрки на номере заставляют едущие сзади машины держаться подальше.

— Чёрт, почему за рулём я?

— возмущается Цзян Е.

— Ты пришёл позже всех, — надев солнцезащитные очки, говорит с заднего сиденья Гу Кэцяо.

— ...

Цзян Е молчит некоторое время, а потом первым нарушает тишину:

— Так вы тоже хотите увидеть того Мужчину по связям с общественностью?

— Разве ты не говорил, что он просто показался тебе забавным?

— И все за его спиной потихоньку назначают встречи?

Хэ Чу разводит руками:

— Я ничего такого не говорил.

— Я всегда показывал, что он меня интересует, — лениво поднимает веки Се Цюбай, сбросив маску, которую носил перед чужаками.

— А я просто не могу смириться.

Ночной ветер растрёпывает волосы Гу Кэцяо, очки скрывают выражение его лица:

— Не то чтобы не могу смириться. Он совершенно не в моём вкусе, но почему-то мне безумно хочется его покорить.

Никто не отвечает.

Гу Кэцяо раздражённо трёт пальцы, словно разговаривая сам с собой:

— Знаете, в ту ночь мне так хотелось броситься на него и прижать к дивану.

— За всю ночь ни один из нас, десятка, не смог его одолеть.

— А как вы думаете, в другое время он так же серьёзен и негибелен?

— Если бы его довели до слёз, он бы, наверное, отворачивался и молчал. А если бы заставить

такого человека закричать — это было бы до мурашек приятно, правда?

Разговор становится всё более откровенным и неудержимо кренится в другую сторону.

— Ну ты и зверь, — ругается Хэ Чу. — Так подробно описываешь, что, часто об этом думаешь?

— А сам-то ты будто святой, — Гу Кэцяо презрительно косится на его пах. — Небось тоже немало фантазируешь.

— Хватит —

Цзян Е на водительском сиденье резко тормозит, мышцы напряжены, взгляд затуманен желанием:

— Я не могу вести машину в таком состоянии.

— Тогда пусть ведёт Цюбай, — Хэ Чу, не придавая значения, зажимает ноги. — Всё равно у него не будет никакой реакции.

Всё это время молчавший Се Цюбай застывает с улыбкой, на виске пульсирует жилка.

— Чуть не забыл, что у него «медвежий желудок», ха-ха-ха... — смеётся Цзян Е.

Гу Кэцяо говорит:

— Надо найти способ встретиться с ним. Обязательно восстановить репутацию.

—

Дуань Се сократил количество смен в основном из-за того, что скоро навалом курсовых заданий и нужно начинать готовиться к конкурсному проекту.

Будучи богом учёбы в Столичном университете, он, разумеется, не только за счёт таланта удерживает первое место.

Всё время вне подработки Дуань Се, отличник из маленького городка, посвящает учёбе.

Выйдя из библиотеки, он в одиночку проходит через цветник.

Это Святая земля признаний Столичного университета: говорят, что здесь бог любви пустил стрелу, и влюблённым, чьи сердца едины, даруется благословение.

Раскидистые ветви высоких камфорных деревьев создают тень, глициния обвивает беседку, солнечный свет просачивается — словно попадаешь в сказочную цветочную галерею.

Вдалеке стоят парень и девушка, ветер развеивает полы одежды.

— Старший ученик Пэй, я тебя люблю, давай встречаться!

Щёки девушки, обычно бледные, покрываются румянцем, она внезапно кланяется и двумя руками протягивает розовое письмо.

Пэй Миньсин вздрагивает и инстинктивно отступает, увеличивая дистанцию.

— Прости, я не встречаюсь с девушками.

Девушка сжимает конверт, резко поднимает голову:

— Почему?

— Я тебя не знаю.

— Познакомишься — и узнаешь!

Губы Пэй Миньсина сжимаются в прямую линию, воспитание аристократического рода не позволяет ему выругаться.

— Мне это неинтересно.

— Как такое возможно?!

Голос девушки становится пронзительным, она отталкивается ногой и бросается прямо на него.

Всё произошло слишком внезапно.

Пэй Миньсин слышит только гул в ушах, холод поднимается по позвоночнику, пальцы начинают мелко дрожать.

— Осторожно —

Рядом со звоном раздаётся мужской голос.

Запястье девушки перехватывают, заставляя её сделать полуоборот и упасть в незнакомую грудь.

Под рукой — крепкие, сухие мышцы. Она поднимает взгляд и сталкивается с резким, чистым профилем.

Дуань Се отпускает её руку, незаметно заслоня собой Пэй Миньсина, и поправляет очки.

— Ты в порядке?

— Д-да.

Девушка, ещё не отошедшая от испуга, с сожалением скользит взглядом по тонким губам вверх, но оставшуюся половину лица скрывают чёрные квадратные очки и густые волосы.

Дофамин, который активно вырабатывался, мгновенно остывает.

Что за...

Раз лица не видно, значит, креветка-мужчина (тип, который некрасив).

— Я не знаю, кто ты, но если это повторится, клан Пэй тебя не пощадит.

Отодвинутый в сторону Пэй Миньсин берёт себя в руки, на мгновение задерживает взгляд на Дуань Се, затем отводит его; в чёрных зрачках закипает ледяная жестокость.

Девушка всё ещё борется с собой, её накрывает запоздалый стыд.

— С его мизофобией ему вообще не стоит встречаться!

Под влиянием эмоций она резко отталкивает Дуань Се и убегает.

Дуань Се теряет равновесие и падает назад, боковым зрением замечая, что Пэй Миньсин снова застыл на месте.

Ветер проносится по Глициниевой галерее, нежный аромат цветов щекочет ноздри.

Пэй Миньсин ошеломлённо смотрит, как парень падает ему в объятия; ветер приподнимает край одежды, открывая сухой, поджарый живот, в воздухе чувствуется лёгкий запах мыла.

Дуань Се помнит о его мизофобии: он прикладывает усилие, чтобы отклониться в сторону, избегая прямого контакта, и приземляется ладонью на асфальт — жгучая боль пронзает руку.

Но кончики пальцев неизбежно на мгновение соприкасаются.

Дуань Се хмурится, спрашивая с беспокойством:

— Извини, ты в порядке?

Пэй Миньсин вздрагивает всем телом, жар, словно кипяток, расплзается от места соприкосновения, каждая пора кричит от желания прижаться.

Как же хочется его обнять...

— Ха...

Сквозь стиснутые зубы вырывается лёгкий вздох.

Он смотрит на Дуань Се, который приподнимается с земли, как на какое-то чудовище, и, дрожа, отступает, тяжело дыша.

— Уходи... быстро уходи.

— Хорошо.

Дуань Се замечает холодный пот на виске Пэй Миньсина, без колебаний соглашается, быстро встаёт и уходит.

— Подожди...

Дуань Се замирает, с недоумением оборачиваясь:

— Тебе ещё нужна моя помощь?

Пэй Миньсин отворачивается, до боли кусая побледневшие губы и медленно выговаривая по словам:

— Всё в порядке... Держись от меня подальше.

— Тогда и сам не стой на месте.

Дуань Се послушно даёт искренний совет:

— Впереди есть передвижной кофейный фургон, выпей горячего — станет лучше.

В детстве старики в деревне так говорили.

Пэй Миньсин вздрагивает, не в силах понять, был ли в этих словах скрытый сарказм.

Вскоре фигура исчезает в Глициниевой галерее.

Сейчас рядом никого нет.

Пэй Миньсин наклоняется, хватаясь за грудь, и тяжело дышит; зрачки расширяются от возбуждения; кожа на тыльной стороне ладони, которой касался Дуань Се, всё ещё горячая; его охватывает невыразимая дрожь.

Он резко закрывает глаза и бормочет:

— Нет, это неправильно...

Все в клане Пэй знают одну тайну: у второго молодого господина серьёзный тактильный голод и лёгкая мизофобия.

Но есть и ещё одна тайна, известная только самому Пэй Миньсину:

У него есть та, не подлежащая обсуждению, зависимость.

<http://bllate.org/book/20993/2133604>